

ИСТОРИИ АУШВИЦА

КОМПЛЕКТ ИЗ 3 КНИГ

Novel. Женщины войны. Любовно-
исторический роман на реальных событиях

Сара Лейбовиц

**Истории Аушвица.
Комплект из 3 книг**

«ЭКСМО»

2020, 2022, 2024

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

Лейбовиц С.

Истории Аушвица. Комплект из 3 книг / С. Лейбовиц — «Эксмо», 2020, 2022, 2024 — (Novel. Женщины войны. Любовно-исторический роман на реальных событиях)

ISBN 978-5-04-220542-2

Комплект из 3 книг - платите меньше, читайте больше! С состав входят: «Акушерка Аушвица. Основано на реальных событиях», «Госпожа Смерть. История Марии Мандель, самой жестокой надзирательницы Аушвица», «Девочка из Аушвица. Реальная история надежды, любви и потери». Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности. «Акушерка Аушвица. Основано на реальных событиях». Пронзительный роман на основе реальных событий — о знаменитой акушерке Аушвица, которая татуировала детей номерами их матерей в надежде, что когда-нибудь они смогут воссоединиться. Аушвиц, 1943 год. Я держу крошечную малютку на руках, ощупывая черную татуировку у нее под мышкой. 41 400. Я молюсь о том, чтобы однажды этот номер, такой же, как у меня, воссоединил нашу семью, разорванную войной... 1943 год. Ана Камински проходит через ворота Аушвица рядом с испуганной молодой подругой Эстер Пастернак. Подойдя к началу очереди, Ана выходит вперед и тихо заявляет себя акушеркой — а Эстер своей помощницей. Им делают татуировки с номерами и отправляют в родильный барак. Ана понимает, что судьба женщин в ее руках, и клянется сделать все возможное, чтобы спасти их — и их детей. Вскоре в Аушвице начинается программа Лебенсборн: здоровых детей со светлыми волосами отправляют в немецкие семьи. Ана и Эстер тайно татуируют младенцев номерами их матерей в надежде, что когда-нибудь они смогут воссоединиться. Пока ранним утром Ана не замечает округлившийся живот под тонким полосатым платьем Эстер... Вдохновленный невероятной реальной историей, этот трогательный роман рассказывает о борьбе женщин за любовь, жизнь и надежду во времена невообразимой тьмы. «Госпожа Смерть. История Марии Мандель, самой жестокой надзирательницы Аушвица». Биография

самой жестокой надзирательницы Аушвиц-Биркенау — Марии Мандель, основанная на более чем двадцати годах исследований, а также десятках уникальных воспоминаний выживших узников концлагерей. К моменту своей казни в 1948 году Мария Мандель достигла самого высокого ранга, какого только могла достичь женщина в Третьем рейхе. Как главная надзирательница женских лагерей Аушвиц-Биркенау, она несла личную ответственность за пытки, страдания и массовые убийства десятков тысяч человек. В Аушвице Мария, прозванная «госпожой жизни и смерти», основала известный женский оркестр и «усыновила» нескольких детей, попавших в лагерь — чтобы позже отправить их в газовые камеры, когда они ей надоели. На каждой лагерной переключке она часами мучила заключенных, пока те не падали замертво, а также избивала плетью за малейшую провинность. Выжившие узницы даже спустя 70 лет не оправились от ее пыток — а участницы женского оркестра знают, что обязаны ей жизнью. В течение двух десятилетий историк Сьюзен Эйшейд воссоздавала биографию Марии Мандель, исследуя архивы, беседуя с выжившими узницами женских лагерей, ее родными и близкими. Результатом стала уникальная и жуткая книга о том, как легко обычный человек, наделенный безграничной властью, превращается в садиста и монстра. «Увлекательная и беспощадная, книга Сьюзен Эйшейд основана на ценных источниках и уникальных исследованиях сложной судьбы печально известной нацистской преступницы. Важное дополнение к растущему числу работ о женщинах-преступницах в Третьем рейхе». — Люси Эдлингтон, автор книги «Портнихи Аушвица. Правдивая история женщин, которые шили, чтобы выжить» «Основываясь на рассказах выживших, Эйшейд подробно описывает в своем исследовании жестокую действительность лагерей и бесчеловечность их охранников. Книга исследовательницы — это яркое и горькое свидетельство ужасов Холокоста». — Kirkus Review «Девочка из Аушвица. Реальная история надежды, любви и потери». «В Аушвице мы были звеньями одной цепи, спасавшими друг друга». Польша, 1944 год. Поезд привозит в Аушвиц из Венгрии огромную семью 15-летней Сары Лейбовиц. Мать Сары и младшие братья попадают в газовые камеры. Ее отца принуждают работать в зондеркоманде — сжигать в крематории мертвые тела. Сама Сара попадает в женский блок и работает на сортировке вещей заключенных. Совсем скоро она остается одна — замечая следы преступлений, нацисты казнят свидетелей, в том числе и ее отца. После смерти отца Сара помогает выживать остальным узникам. Рискуя жизнью, она передает записки и посылки, придумывает, как избежать газовой камеры при переключке, и меняется местами с женщиной при отборе на принудительные работы. Несколько раз она чудом избегает гибели благодаря помощи таких же заключенных и выживает до прихода в Аушвиц русских солдат. Мемуары Сары Лейбовиц — это бесценное свидетельство невероятной взаимовыручки, смелости и силе духа всех заключенных Аушвица, готовых на подвиг, чтобы

помочь ближнему. *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться.

УДК 821.111-94

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-220542-2

© Лейбовиц С., 2020, 2022, 2024

© Эксмо, 2020, 2022, 2024

Содержание

Анна Стюарт	7
Пролог. Апрель 1946 года	9
Часть первая. Лодзь	11
Глава первая. 1 сентября 1939 года	11
Глава вторая. 19 ноября 1939 года	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**Анна Стюарт, Сьюзен Эйшейд,
Сара Лейбовиц, Эти Эльбойм
Истории Аушвица. Комплект из 3 книг**

**Анна Стюарт
Акушерка Аушвица
Основано на реальных событиях**

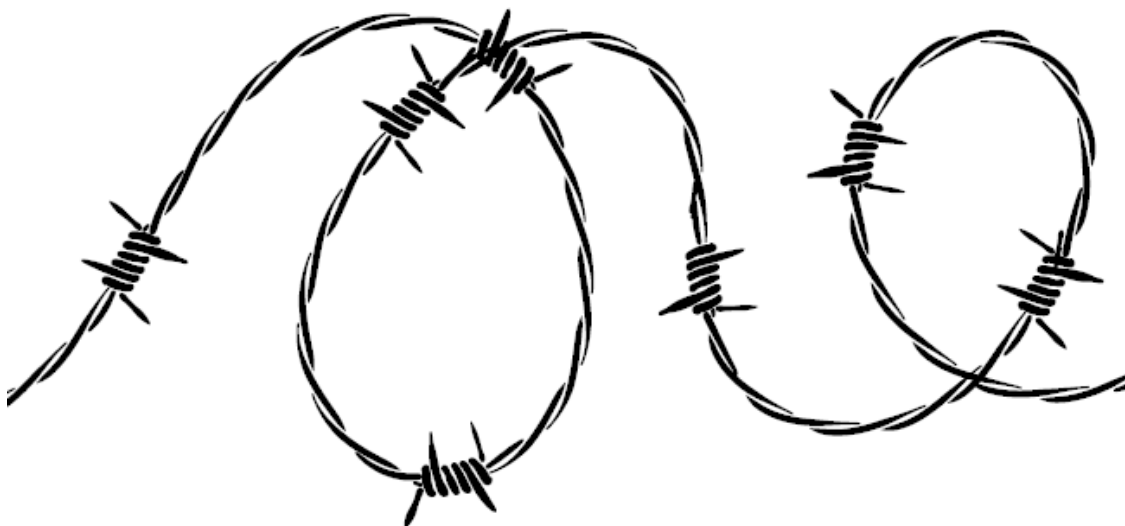

Anna Stuart
The Midwife of Auschwitz
Copyright © Anna Stuart, 2022

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Эта книга посвящается памяти Станиславы Лециньской и всех, кто, как она, трудился, чтобы сохранять надежду в самые мрачные дни холокоста...

Пролог. Апрель 1946 года

Повсюду детские кровати. Они расставлены в гулком зале с деревянным полом, и из каждой во все глаза смотрят маленькие дети. В их глазах нет надежды – детки слишком малы для этого, – но есть какая-то тоска, которая проникает прямо в меня и затрагивает не только струны сердца, но и уходит гораздо глубже, прямо в мою матку. Ребенка я носила очень давно, но это чувство, наверное, никогда не исчезнет. Каждый рожденный мной ребенок оставил во мне свою малую часть, кусочек пуповины – и теперь достаточно мне увидеть широко распахнутые глаза младенца, и сердце мое тает. И, наверное, каждый ребенок, которому я помогла появиться на этот свет за двадцать семь лет работы акушеркой, тоже оставил в моей душе свой след.

Я вхожу в эту комнату. Кроватки грубые и старые, но чистые и сделанные с любовью. В одной плачет младенец. Я слышу женский голос, мягкий, успокаивающий. Женщина поет младенцу колыбельную. Плач постепенно стихает, и остается одна лишь музыка.

В этой большой комнате нет ничего блестящего и современного, но она наполнена любовью. Я улыбаюсь, понимая, что это то самое место, которое мы искали.

– Ты готова?

Я поворачиваюсь к девушке, которая нерешительно замерла в дверях. Она сжала руки так сильно, что пальцы ее побелели, как беленые наличники дверей. Глаза ее расширились, став такими же, как и у сирот, лежащих в кроватках.

– Не знаю...

Я беру ее за руку.

– Это был глупый вопрос. К этому никогда нельзя быть готовым. Но ты здесь – и этого достаточно.

– А что, если?..

– Тогда будем искать дальше. Входи.

Я подталкиваю ее вперед. Пробираясь между кроватками, к нам с улыбкой приближается хозяйка детского дома.

– Вы сделали это. Я очень рада. Надеюсь, дорога была не слишком утомительной?

Не могу сдержать горькой усмешки. Этим утром дорога была простой, но годы, предшествовавшие ей, были наполнены болью и страданиями. Мы шли по темной грязной дороге – никто не должен идти по ней, чтобы добраться до этого обветшалого места угасающей надежды. Дорога измучила нас обеих. Что бы я ни говорила, но не знаю, как далеко кто-то из нас сможет по ней зайти. Женщина понимает. Она берет меня за руку и кивает.

– Плохое время в прошлом.

– Надеюсь, вы правы.

– Мы все слишком много потеряли.

Я смотрю на свою близкую подругу, которая пробирается вперед, к кровати возле окна. В кровати сидит девочка. Светлые волосики обрамляют серьезное маленькое лицо, освещенное солнцем. Увидев, что кто-то подходит, девочка подтягивается и поднимается. Ножки ее дрожат, но она твердо намерена подняться. Моя подруга ускоряется и хватается за решетку кровати. Девочка тянется к ней, и у меня начинает болеть сердце – в моей жизни было слишком много решеток, заборов, неравенства и разделения.

– Это ее дочь? – ахаю я.

– На ней есть татуировка, похожая на ваше описание, – неловко пожимает плечами хозяйка детского дома.

Похожая... Этого недостаточно... Сердце у меня замирает. И теперь уже я не готова – мне хочется, чтобы темная, грязная дорога вела нас дальше и дальше, потому что, идя по ней, мы можем хотя бы питать надежду.

Стоп! Мне хочется плакать, но слова застревают в горле: молодая женщина подходит к кровати и берет на руки малыша. И надежда на ее лице сильнее, чем у всех этих бедных сирот, собранных здесь. Настало время узнать истину. Понять, смогут ли исцелиться наши сердца.

Часть первая. Лодзь

Глава первая. 1 сентября 1939 года

ЭСТЕР

Часы на соборе Святого Станислава пробили полдень. Эстер Абрамс тихо опустилась на ступеньки собора и повернулась к солнцу. Солнечные лучи согревали лицо, но осень уже запустила свои щупальца в камень, и ступени охладили ноги. Ей захотелось снять пальто и подстелить под себя, но пальто было новым и безрассудно бледно-голубым. Младшая сестра сказала, что пальто очень подчеркивает цвет ее глаз. Эстер не хотелось его испачкать.

Эстер покраснела. Конечно, покупать такое пальто было глупо, но Филипп всегда так красиво одет. Не экстравагантно – у ученика портного денег было ненамного больше, чем у ученицы медсестры, – но очень тщательно и элегантно. Это поразило ее сразу же, в тот апрельский день, когда он впервые сел на ступеньки поодаль от нее. Тогда она почувствовала, как каждая клеточка ее тела распускается, словно цветы на росшей поблизости вишне. Конечно же, она сразу же отвела взгляд, уставившись на свои вареники, но мамина начинка из квашеной капусты с грибами показалась ей совершенно безвкусной.

Эстер так и не осмелилась поднять глаза, пока он, наконец, не поднялся, чтобы уйти. Только тогда она рискнула мельком взглянуть на него. Теперь она могла бы его даже нарисовать – стройный, высокий, почти долговязый, очень целеустремленный; пиджак грубый, но хорошо скроенный; кипа с красивой, причудливой каймой буквально приклеилась к макушке. Эстер любовалась им, но он неожиданно оглянулся, и их взгляды встретились. Эстер почувствовала, что не только ее лицо, а и все тело заливают румянец смущения... или, скорее, радости.

На следующий день она пришла пораньше, полная напряженного предчувствия. Прошло полдень, но молодой человек не появился – по ступенькам стучал палкой лишь старик в слишком глубоко натянутой шляпе. Эстер поспешила помочь ему – во-первых, этого ожидала бы от нее мама, а во-вторых, она надеялась, что к моменту ее возвращения молодой человек уже появится. Он не появился, и она без всякого удовольствия принялась щипать свой бейгл, словно несчастный хлебец был в чем-то виноват. Она еще не успела доест, когда поняла, что молодой человек появился на том же самом месте. Он спокойно закусывал, целиком сосредоточившись на газете. Впрочем, Эстер сразу почувствовала, что он не столько читает, сколько смотрит на нее.

Шесть долгих дней они перекусывали на разных сторонах лестницы, а жители Лодзи ходили по Петрковской улице, занятые своими делами, и не обращали на них никакого внимания. Эстер каждый день мысленно репетировала, что можно было бы сказать этому чудесному молодому человеку, но стоило ей попробовать их произнести, как они превращались в невнятное бормотание. И тут между ними появилась какая-то женщина, которая поднималась к церкви, что-то раздраженно бормоча себе под нос. Кто знает, что ее разозлило, но когда они оба подняли глаза, она уже скрылась в церкви, и они уставились друг на друга.

Все умные фразы закружились в голове Эстер, но остались внутри, не добравшись до языка. В конце концов, первым заговорил он – сказал что-то тривиальное насчет погоды, она ответила еще более тривиально, и оба улыбнулись друг другу, словно только что услышали нечто мудрое. Похоже, умные фразы у молодого человека тоже остались в голове. Но как только были произнесены первые слова, разговор пошел свободнее, и вскоре они ну не то чтобы болтали, поскольку оба чувствовали себя довольно скованно, но уже делились простыми фактами из собственной жизни.

– Мне нравится ваша кипа, – сказала Эстер. – Очень красивая кайма.

Молодой человек с гордостью провел по кипе пальцами.

– Спасибо. Я сам ее вышивал.

– Сами?!

Молодой человек покраснел. Эстер заметила, что, хотя волосы у него были темными, но глаза оказались голубыми, как у нее.

– Я учусь на портного. Конечно, главным образом шить придется пиджаки, брюки и рубашки, но мне нравится... – Он снова коснулся краев шапочки. – Папа называет это «прихотью». Ему не нравится. Он считает вышивание женским делом.

– Но у вас так хорошо получилось! Он явно ошибается!

Молодой человек рассмеялся теплым, сердечным смехом.

– Спасибо. Я считаю, что одежда должна быть отражением человека.

Вспомнив эти слова, Эстер покосилась на свое светло-голубое пальто. Тогда молодой человек ее удивил – она привыкла считать, что одежда должна быть аккуратной, чистой и скромной. Ей и в голову не приходило, что она может выражать что-то иное, кроме как навыки хорошей хозяйки.

– Расскажите мне еще что-нибудь, – попросила она, и он стал рассказывать.

Он говорил, а она думала, что могла бы просидеть рядом с ним целый день. Но у нее было лишь полчаса на обед, а хозяйка была очень строгой. Стоит опоздать хотя бы на минуту, и придется весь день заниматься утками и подгузниками. Как бы ни хотелось Эстер остаться с молодым портным, но родители слишком многим пожертвовали, чтобы она смогла выучиться на медсестру, и она обязана получить образование. Подняться и уйти было очень трудно – впрочем, сегодня она была так рассеяна, что утки и подгузники наверняка ее уже ожидали. Но молодой человек пришел на следующий день и через день. И она стала ценить эти полуденные встречи, словно величайшие драгоценности с русских приисков. Где же он сегодня?

Эстер с тревогой всматривалась в Петровскую. Может быть, он задержался на работе? Или с ним что-то случилось? Этим утром атмосфера в городе как-то изменилась. Люди больше суетились, в магазинах было не протолкнуться. Все прохожие тащили сумки, набитые продуктами, словно боялись, что все может таинственным образом кончиться. Мальчишки-газетчики кричали громче, чем обычно, но в последние месяцы Эстер слышала эту абракадабру – нацисты, Гитлер, вторжение, бомбежки – слишком часто, чтобы обратить на нее внимание. Был прекрасный осенний день, хотя ступеньки церковной лестницы успели остыть. Разве может кто-то сделать что-то ужасное под таким красивым синим небом?

Наконец, он появился. Она заметила, как он пробирается через толпу возле лавки мясника. Он с легкостью лавировал между людьми. Эстер слегка приподнялась, но потом заставила себя сесть. Они встречались так уже три месяца – ели свой обед на ступенях собора Святого Станислава, садясь все ближе и ближе друг к другу. Цветки на вишневом дереве превратились в ягоды, листья потемнели и стали сохнуть по краям.

Они беседовали, с каждым днем узнавая друг друга все лучше и лучше. Она узнала его имя – Филипп Пастернак – и даже примерила его фамилию к себе: Эстер Пастернак. Смешно! А когда ее младшая сестра Лия делала то же самое, Эстер велела ей не заниматься глупостями. Филипп учился в известном ателье своего отца, но тот не делал ему никаких поблажек. Филипп говорил, что рад этому (Эстер подозревала, что это не совсем так), потому что его не заставляют жениться – у него и без того «много работы».

Разговор сразу же пошел по накатанной колее. Эстер тут же сказала, что у Филиппа явный деловой талант. Филиппу это, очевидно, понравилось, он с благодарностью улыбнулся и довольно ворчливо (что было для него необычно) заметил, что «отцы не всегда во всем правы». Оба тут же оглянулись с виноватым видом – а вдруг кто-то услышал такое кощунственное

замечание? Часы пробили половину часа, и оба поднялись. У Эстер сегодня была не самая приятная работа, но она об этом не думала – голова ее была занята совсем другим.

Она была почти уверена, что родители считают для нее замужество преждевременным и хотят, чтобы она получила профессию. Честно говоря, она и сама целых два года твердила, что мужчины ее совсем не интересуют – да и в будущем не заинтересуют. Мама при этих словах всегда улыбалась, и Эстер это страшно раздражало. Теперь же мамина улыбка вселяла какую-то надежду. Нет, они с Филиппом не говорили о свадьбе – даже об ужине или прогулке в парке. Да и обедали на ступеньках собора Святого Станислава они будто случайно, не сговариваясь. Их окружал плотный пузырь ритуала, и оба стеснялись проткнуть его – а вдруг это все разрушит.

– Эстер! – громко крикнул Филипп.

В этот самый момент к остановке подходил трамвай, и Эстер на какое-то мгновение показалось, что Филипп попытается перейти пути прямо перед ним. Но, несмотря на очень странное выражение лица, он отступил, и несколько мучительных секунд Эстер видела только вагон трамвая. Потом он снова появился в поле ее зрения, пересек пути и снова крикнул:

– Эстер!

Она поднялась.

– Филипп! Все хорошо?

– Нет! То есть да... Со мной все хорошо... Но не с нашим миром, Эстер, не с Польшей...

– Почему? Что случилось?

– Ты разве не слышала?

Эстер удивленно посмотрела на него, и он шлепнул себя ладонью по лбу – так комично, что она чуть не расхохоталась. Но Филипп выглядел слишком встревоженным, и она сдержалась.

– Конечно, ты не слышала – или не спрашивала бы. Прости.

Филипп стоял на две ступеньки ниже, и их глаза впервые оказались на одном уровне. Эстер всмотрелась в его лицо – Филипп был слишком встревожен, чтобы смутиться.

– Пожалуйста, не томи, Филипп. Что случилось?

Он вздохнул.

– Германия вторглась в Польшу. Вермахт перешел границу, и всем нам грозит ужасная опасность.

– Ты собираешься сражаться?

– Возможно. Если еще есть время. Но, Эстер, они продвигаются очень быстро – им нужно захватить Краков и Варшаву.

– А Лодзь?

– Неизвестно, но похоже. Лодзь – промышленный город, а немцы это любят.

– Но они не любят евреев.

– Не любят, – кивнул Филипп. – Некоторые уже бегут на восток – забирают все ценное и бегут.

– И твои тоже?

Он покачал головой.

– Отец ни за что не бросит свое ателье. Даже если бы он решился...

Филипп умолк, глядя прямо в глаза Эстер.

– Если бы решился, то что?

Он решительно поднял голову, взгляд потемнел от решимости.

– Даже если бы он решился, я бы не поехал с ним. Без тебя...

– Без меня? – ахнула Эстер.

Филипп сжал ее ладони и опустился на колени, с трудом балансируя на узких ступенях, – слишком уж длинными были его ноги.

– Эстер Абрамс, окажешь ли ты мне великую честь, став моей женой?

Эстер пораженно смотрела на него. Ей показалось, что вся Петрковская улица неожиданно замерла и все прохожие смотрят на них. Две пожилые тетушки, тащившие тележку с покупками, действительно остановились и посмотрели вверх. Она заметила их взгляды, и одна из них кивнула и подмигнула ей. Эстер вновь перевела взгляд на красивого юношу у своих ног.

– Я...

– Это война, Эстер! Как только я узнал все, как только подумал о вооруженных солдатах, о врагах, входящих в наш город, я думал только об одном – я могу потерять тебя. А потом я подумал, как смешно, что я даром тратил двадцать три с половиной часа каждый день без тебя! Я не могу потерять больше ни минуты! Эстер, ты выйдешь за меня замуж?

– Замуж?

– Да...

– Да!

Слово слетело с ее губ мгновенно, и она крепко обняла его, а он принял ее в свои объятия. Их губы соприкоснулись. У нее была единственная мысль – она тоже слишком много времени потратила даром. Мир закрутился вокруг них. В ушах у нее шумело, словно одновременно запели все ангелы Бога. Впрочем, если бы это было так, Бог выбрал бы хор получше, потому что звуки эти больше напоминали стон, а не небесный хор. Только когда Эстер наконец отстранилась, она поняла, что из ржавых громкоговорителей, установленных на улице, раздается вой воздушной тревоги.

– Быстрее, – Филипп схватил ее за руку и потащил вверх по лестнице, в собор. А над головой в чистом синем небе пролетели два жутких черных немецких самолета. Эстер уже не понимала, сегодня самый счастливый день ее жизни – или самый худший.

В будущем она не раз задавалась этим вопросом – впереди ее ждали мрачные годы.

Глава вторая. 19 ноября 1939 года

АНА

Ана Каминская взяла мужа под руку. Они вместе смотрели, как родители подвели к хупе¹ сначала Филиппа, потом залившуюся румянцем Эстер. Молодые люди стояли под красивым балдахинном лицом к лицу. Ана улыбалась, глядя, как они смотрят друг другу в глаза. Они были так счастливы, что Ана начала успокаиваться. Как хорошо, что она пришла. Получив приглашение, она колебалась. Ей было уже за пятьдесят, но она все равно нервничала: одобрит ли Господь ее присутствие на еврейской церемонии. Но Бартек лишь посмеялся над ее страхами.

– Конечно, Господь хочет, чтобы ты пошла и увидела, как эти молодые люди, исполненные любви друг к другу, соединят свои жизни. В мире слишком много ненависти – за такую возможность нужно цепляться обеими руками, как только она представится.

Он был совершенно прав. Ане было стыдно за свои сомнения. Евреи – люди достойные, добрые, искренние, и это нужно ценить, особенно, когда в мире таких качеств почти не осталось, а нормой стали считаться совсем другие свойства. С момента нацистского вторжения прошло два с половиной месяца. Фашисты навязали ее любимой Польше свои жесткие правила и новую идеологию. Когда она видела, как по улицам ее города шагают вражеские солдаты, ее душу захлестывала ярость. Нацисты меняли дорожные указатели и устанавливали новые законы, не думая об обычаях, традициях – даже о здравом смысле и порядочности.

Иисус учил Ану подставлять другую щеку, но нацисты одновременно били по обеим щекам, и прощать это становилось все труднее и труднее, особенно, когда впереди ждали еще более тяжелые оскорбления. В такие моменты она чувствовала, что ей ближе Ветхий Завет,

¹ Хупа – балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии своего бракосочетания.

исполненный мстительности и ярости, а не Новый Завет с его духом любви и прощения. Находясь на еврейской церемонии, Ана чувствовала это особенно остро.

Когда раввин тихо и таинственно запел и звуки его голоса разносились по всей синагоге, Ана осторожно осмотрелась. Когда гости собирались, улицы и тротуары покрыла изморозь, но потом яркое солнце растопило лед, и сейчас его лучи проникали в синагогу сквозь высокие окна, отражаясь от позолоченных колонн и мебели. Весь зал словно сиял. Ана должна была признать, что это мало чем отличается от ее любимого собора Святого Станислава. Она крепче сжала руку Бартека – как хорошо, что он настоял, чтобы они пошли на свадьбу. Этой осенью она еще ни разу не чувствовала себя так спокойно.

Ана внимательно смотрела, как младшая сестра Эстер, Лия, семь раз обвела ее вокруг жениха. Милое личико Лии было торжественным и серьезным, она смотрела вниз – впрочем, вряд ли из благочестия, скорее, она боялась наступить на подол подвенечного платья сестры. Ане это было хорошо знакомо. Они с Бартеком поженились двадцать три года назад, но она прекрасно помнила тот день. Они поженились в 1916 году, в разгар другой войны – ее называли великой, считали, что она положит конец всем войнам, но все оказалось не так. Они снова присутствовали на свадьбе – и снова надменные державы делили несчастную Польшу и захватывали ее мирные города и деревни. Почему их нельзя оставить в покое? На протяжении многих веков Россия и Германия считали родину Аны завидной добычей и делили ее между собой. Лишь в 1918 году Польша сумела отстоять свой суверенитет. А теперь ее соседи снова грызлись за нее – на сей раз с танками и огромными пушками.

Ана вздрогнула и постаралась вновь сосредоточиться на радостной церемонии. Эстер остановилась перед Филиппом. Он осторожно потянулся, чтобы поднять вуаль с ее затылка и покрыть лицо в знак того, что для него драгоценно не только ее тело, но и ее душа. Этот момент стал истинным благословением, моментом любви посреди страха, напоминанием о том, что, за что бы ни сражались власть имущие, люди, которые, к несчастью, оказались в их власти, хотят просто жить своей жизнью – жениться, заводить детей, создавать семьи. Есть ли в мире что-то более ценное?

Ана инстинктивно потянулась к документам, которые всегда носила в кармане в небольшой жестяной коробочке от зубного порошка. Никогда не знаешь, когда тебя вызовут, а роже-ницам спокойнее знать, что ты – истинный профессионал и знаешь, что делаешь. Ана уже двадцать лет работала акушеркой в этом городе. Ее не раз вызывали посреди обеда, встречи с друзьями и даже из театра. Дети не выбирают время, чтобы появиться на свет. Когда спектакль останавливался, Ана напрягалась, ожидая неизбежного объявления: «Акушерка Каминская, пожалуйста, выйдите в фойе». Бартек вздыхал, целовал ее в лоб, а она подхватывала пальто и небольшой чемоданчик с инструментами, который всегда носила с собой, и уходила в ночь.

В глубине души она сожалела об оставшемся ей неизвестном конце пьесы, но стоило ей оказаться у постели роженицы, тривиальность литературной драмы становилась очевидной – перед ее глазами разворачивалась драма истинная. Такова была привилегия ее работы. Каждый раз, когда в этот мир с ее помощью приходил новый человек, она вновь и вновь чувствовала себя свидетелем рождения младенца Христа, и вся усталость исчезала перед лицом радостного чуда. Разве могут пушки и танки победить это священное возрождение?

Ана вновь посмотрела на Эстер и поразилась, как быстро течет время. Прелестная юная девушка, стоявшая перед женихом, была одним из первых младенцев, которым Ана помогла появиться на свет. Она только окончила школу акушерства в Варшаве и все еще не могла поверить, что ей позволено практиковать самостоятельно. На рассвете ее вызвали в чистый, аккуратный дом Рут. Ее встретил муж Рут, Мордехай. Он, переминаясь с ноги на ногу, стоял в дверях с трубкой. Увидев Ану, он кинулся к ней и схватил ее за руку.

– Слава богу, вы приехали. Вы ей очень нужны. Вы нужны моей Рут. Вы же позаботитесь о ней, правда? И все будет хорошо?

Он бормотал, как ребенок, и Ана ощутила огромный груз ответственности перед его любовью. В ее руках было счастье этого человека. Ей стало страшно, но она напредила себе, что обучалась в лучшей акушерской школе Польши. Безмолвно воззвав к Богу, она поспешила в дом.

Исполнить желание Мордехая оказалось несложно – Рут была молода и сильна, ей помогла серьезная мать, которая заставляла ее сжимать зубы и тужиться по команде Аны. Маленькая Эстер родилась крепенькой и здоровенькой – буквально через час после приезда Аны. Мордехай вбежал в комнату, осыпая девушку благодарностями. Ана сказала, что все сделала его жена, и отступила в сторону, а Мордехай обхватил лицо Рут ладонями и нежно поцеловал ее. Только после этого он взял младенца на руки – так бережно, словно держал на руках величайшее сокровище мира. И вот теперь этот младенец стал женщиной.

Ана внимательно слушала, как Эстер сильным, чистым голосом произносит брачные обеты. Филипп и Эстер были так молоды и прекрасны! Они выбрали свой путь в мире и относились к этому очень серьезно. Ана увидела в Эстер себя. Девушка увлеченно училась, и Ана надеялась, что она, как и сама Ана, сможет совмещать призвание и семейную жизнь. Она перевела взгляд на Филиппа, с гордостью и любовью смотревшего на невесту. Единственный плюс оккупации, подумала Ана, что наших молодых людей не призывают в армию. Рядом с Филиппом стоял шафер, его лучший друг Томаш. Может быть, ненасытный рейх призвал бы в армию и их тоже, но даже Гитлер не настолько безумен, чтобы требовать от собственных врагов сражаться в его армии. Похоже, Эстер удастся оставить мужа дома.

А вот с работой будет сложнее. Лодзи выпала сомнительная честь вхождения в состав рейха. Две недели назад германские власти запретили евреям работать в текстильной и кожевенной промышленности – в мгновение ока работы лишилась почти половина общины города. Учеба Филиппа прекратилась немедленно, а его отцу пришлось отдать свое драгоценное ателье здоровенному немцу с толстыми пальцами и полным отсутствием таланта. Этот бессмысленный шаг поставил город на грань разорения, и тогда свиньи, стоявшие у власти, издали указ о «принудительном труде» евреев. Евреям пришлось покинуть свои дома и предприятия и заниматься разрушением польских памятников, уборкой улиц и сменой дорожных указателей. Буквально вчера Ана видела двух мужчин, которые, не скрывая слез, снимали благородные старые указатели «Петрковская улица» и заменяли их блестящими новыми «Адольф-Гитлер-штрассе». То же самое происходило со всеми улицами города – старинные названия исчезали, уступая место надменным немецким. Никто из поляков новыми названиями не пользовался, но положения дел это не меняло.

А потом появились повязки. Всего несколько дней назад был издан указ, согласно которому все евреи должны были носить желтые повязки шириной десять сантиметров прямо под мышкой – место было выбрано специально, чтобы вызвать максимальный дискомфорт. Кажется, возвращаются Средние века, когда многие правители заставляли евреев носить отличительные знаки для «предотвращения случайного смешивания» – то есть чтобы люди не общались друг с другом, не ходили в гости, не делились историями своей жизни. Правители присваивали себе право определять, с кем люди могли вступать в священный брак.

Перед свадьбой Ана встретила Рут и Лию на улице. Бедные женщины страшно переживали из-за предстоящей свадьбы, свадебных нарядов и самого праздника. Им оставалось лишь молиться, чтобы жестокие правила не вступили в действие до свадьбы. Но всю неделю по улицам шатались эсэсовцы, представители самой жестокой и садистской организации нацистов. Они наставляли оружие на любого несчастного еврея, у которого не было желтой повязки, и порой спускали курок. Старый Илайя Ааронс, лучший пекарь Лодзи, больше не пек шарлотки и пирожки, столь любимые местными жителями, – его застрелили в собственной лавке, когда он сказал нацистам, что пока не нашел столько желтой ткани, чтобы сделать повязку на свой мощный бицепс. На свадьбе почти все гости, кроме Аны и Бартека, были с желтыми повяз-

ками. Даже бедняжке Эстер пришлось это сделать, хотя кто-то умный (почти наверняка это был Филипп) пришел к обоим рукавам ее платья блестящие золотые полоски. Так Эстер выполнила требование оккупантов, но при этом выглядела истинной королевой, а не изгоем общества.

Церемония близилась к концу. Ана отвлеклась от мрачных мыслей и наблюдала, как вуаль Эстер вновь подняли. Раввин взял чашу и поднес молодоженам, чтобы они пили из нее по очереди. Когда чаша опустела, раввин положил ее в бархатный мешочек, туго затянул шнурок и положил на пол перед Филиппом. Жених взглянул на Эстер. Та улыбнулась и взяла его за руку. Все с восторгом смотрели, как Филипп поднимает ногу и резко опускает ее на мешочек с чашей. Ана услышала звон бьющегося стекла, но звук этот тут же потонул в радостных криках «Мазел тов!»². Ана присоединилась к гостям. Она знала, где бы ни происходила церемония, на каком бы языке она ни шла, все и всегда искренне желают молодоженам счастья и любви.

Ана потянулась поцеловать мужа. Все вокруг радостно переговаривались, обнимались, собирались в группу, чтобы поднять невесту и жениха и пронести их по синагоге. Банкет был назначен в зале за красивым зданием, но, похоже, празднество уже началось. Пресловутые желтые повязки золотым вихрем кружились вокруг молодой пары. Ана увидела, как Эстер радостно хохочет, когда Томаш тянет ее в сторону от Филиппа и усаживает на плечи собравшихся. Филипп поднялся сам. Пару торжественно пронесли по синагоге, но в тот момент, когда аплодисменты гостей слились в торжественный гром, двери распахнулись, и раздались выстрелы. Все замерли. В синагогу ворвались эсэсовцы:

– *Raus! Raus!* Все на выход!

Ана услышала, как испуганно ахнула Эстер. Она сидела на плечах гостей, как милая уточка. Когда эсэсовцы наставили на нее автоматы, она инстинктивно наклонилась, чтобы спрятать голову.

– Пожалуйста, – взмолилась Ана по-немецки, – это же свадьба...

Офицер изумленно взглянул на нее. Ана учила немецкий с детства и свободно говорила на этом языке. Немецкий был полезен ей в работе – в Польше жило много немцев. Но Ана никогда не думала, что придется говорить по-немецки с солдатами.

– Свадьба?

Офицер поднял руку, останавливая солдат, и огляделся вокруг. Перепуганные гости остановились, опустили Эстер и Филиппа на пол и столпились вокруг них. Офицер презрительно расхохотался:

– Еврейская свадьба! Именно это мы и собираемся остановить, мадам. Мы не можем позволить, чтобы это отребье размножалось. Их и без того слишком много.

Офицер осмотрел Ану с головы до ног и сразу заметил отсутствие повязки на пальто из хорошей ткани.

– А вы что здесь делаете?

– Праздную любовь, – отважно ответила она.

На сей раз смех эсэсовца был более мрачным и зловещим. Боковым зрением Ана заметила, как широкоплечий Томаш прикрывает черный ход, а Рут и Мордехай вы провожают жениха и невесту из синагоги. Ана была рада, что молодым удалось скрыться, но гости все еще находились в опасности. Родители Филиппа, Бенямин и Сара, пытались всех успокоить, но паника лишь усиливалась.

– Вам что-то нужно, господин? – спросила Ана, стараясь быть вежливой, хотя слова застревали у нее в горле.

– Что-то нужно? Да, мадам, нам нужно снести это богомерзкое здание и уничтожить всех еврейских ублюдков, которые здесь собрались. Эй вы! Оставайтесь на месте!

² Мазел тов, мазл тов («счастливой планеты-судьбы») – фраза на иврите, которая используется для поздравления в честь какого-либо события в жизни человека.

Офицер заметил черный ход, через который пытались ускользнуть гости, подошел туда и схватил за руку подружку невесты. Сердце Аны сжалось. Когда четырнадцатилетняя Лия шла рядом с сестрой, она казалась очень взрослой – светлые волосы собраны в красивую прическу, черты лица подчеркнуты легким макияжем. Но сейчас она казалась всего лишь перепуганным ребенком. Автоматы были направлены прямо на людей. Если эсэсовцы начнут стрелять в этом небольшом зале, гостям Рут и Мордехая негде будет спрятаться.

– Пожалуйста, – снова обратилась Ана к офицеру. – Отпустите их. Здесь только старики и дети...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.